

Книжная рецензия

УДК 215

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-156-163>

Рецензия на книгу К. М. Антонова «Religio et Ratio: религиозная жизнь и пути её рефлексивного осмысления»

Евгений Игоревич Аринин

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия.

eiarinin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Антонов К. М. *Religio et Ratio: Религиозная жизнь и пути её рефлексивного осмысления.* — Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2025. — 544 с.

Для цитирования: Аринин Е. И. Рецензия на книгу К. М. Антонова «Religio et ratio: религиозная жизнь и пути её рефлексивного осмысления» // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 156–163. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-156-163>

Book review

Review of K. M. Antonov's Book *Religio et Ratio: Religious Life and the Ways of Its Reflective Comprehension*

Evgeny I. Arinin

Vladimir State University, Vladimir, Russia

eiarinin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

© Аринин Е. И., 2026

Antonov, K. M. (2025) *Religio et Ratio: religioznaya zhizn' i put' yeye reflektivnogo osmysleniya* [[Religion et Ratio: Religious Life and the Ways of Its Reflexive Comprehension]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet Publ. (In Russian).

Abstract. The article presents a summary review of K. M. Antonov's monograph *Religion et Ratio: Religious Life and Ways of Its Reflexive Comprehension* (St. Petersburg State University, 2025), which offers the author's personal "view on the relationship and mutual mediation of religion and the main forms of reflexive practices aimed at it, such as theology, philosophy of religion and religious studies". The monograph is a significant work for the modern reader, large-scale study of over 500 pages that is encyclopedic in scope, covering a wide range of issues related to the fundamental problems of understanding the nature of such global and cross-historical universal human phenomena as *Religio* and *Ratio* (religiosity and rationality). The work is written in a clear and accessible style and suggests rethinking the norms of "objectivity" of religious studies and other related disciplines from the perspective of a representative of an influential modern Russian religious denomination. This study provides ample opportunities to compare the basic concepts of church and secular relations towards understanding the world and a person's place in it, offering important and promising approaches to its description both in terms of content and methodology. The text discusses many topics, including "ethos of faith, religion and experience", "forms and values of rationality", "mysticism", "system of reflexive structures of religious tradition", "philosophy of religion", its "objectivity", "history", the relationship with "theology", "religious studies" and "other philosophical disciplines", especially the "philosophy of religion in Russia". The purpose of the publication, according to the author, is "to find the language in which the Church can speak to modern people, especially to the young generation; the language which will give the Church an opportunity to feel their pain and find the convincing answer to their questions".

For citation: Arinin, E. I. (2026) 'Review of K. M. Antonov's Book *Religio et Ratio: Religious Life and the Ways of Its Reflective Comprehension*', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(2), pp. 156–163. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-156-163>

Монография «Religio et Ratio: Религиозная жизнь и пути её рефлексивного осмысления» [Антонов, 2025] представляет собой элегантно, аскетично и со вкусом оформленное издание, значимое для современного читателя, конечно, не только своими эстетическими и оформительскими особенностями, но текстом, масштабным по объёму (более 500 страниц) и энциклопедическим по охвату тем многообразной проблематики, связанных с фундаментальными проблемами постижения природы таких глобальных и кросссторических общечеловеческих феноменов, как «Religio» и «Ratio». Рассматриваемый текст предлагает актуальное, впечатляющее и богатое содержанием изложение авторских размышлений по поводу ряда известных дискуссий последних десятилетий, временами достигавших значительной остроты и накала страстей. Все они неразрывно связаны с наличием противоречий

в развитии диалога представителей соответствующих субкультур: науки и религии, Академии и Церкви, университетского религиоведения и академического богословия (теологии) в современной России. Представляется важным обратиться к этим размышлениям — далеко не очевидным как для отечественной культуры, так и в контексте международных отношений, где близкие вопросы вставали ещё перед интеллектуалами греческой и римской античности, затем переосмысливались в христианской традиции, но особенно активно стали привлекать к себе внимание российской общественности с последней четверти XX в. Особенности и перспективы диалога науки и религии, конфессий и общества, как и любых мировоззренческих субкультур, требуют сегодня поиска нового концептуального аппарата, способного адекватно и корректно представить сложившиеся академические

позиции и привычные стереотипы, тиражируемые массмедиа как в нашей стране, так и в глобальном контексте.

Эти размышления, порой живые и эмоциональные, но при этом, несомненно, рациональные, экспертные и глубокие, оказываются неразрывно вплетёнными в бурную интеллектуальную жизнь нашей страны XXI в., отражая полемику, которая периодически проявлялась в ходе многочисленных конгрессов, конференций, симпозиумов, круглых столов и семинаров, где автор принимал самое активное участие, представляя собственный «взгляд на соотношение и взаимное опосредование религии и основных форм направленных на неё рефлексивных практик», фокусируясь преимущественно на богословии (теологии), философии религии и религиоведении [Антонов, 2025: 4]. Понимая невозможность на нескольких страницах рецензии, регламентированных требованиями журнала, изложить значимое содержание всего рассматриваемого текста, полагаю возможным для себя сосредоточиться только на двух важных именно для меня как «светского религиоведа», проблематических блоках, выражающих интуитивно и законодательно очевидные проблемы понимания «нормы» и «нормативности» в современной общегражданской («светской», «научной» и т.п.) культуре нашей страны, регламентированных как действующей Конституцией РФ (1993), так и академическим этосом.

К таковым тематическим блокам относятся рубрики «религия» и «секты», постоянно обсуждаемые в отечественных научных изданиях и СМИ последних трёх десятилетий, порой предельно остро и бескомпромиссно. Все они, однако, если обратиться к академическому ресурсу «Национальный корпус русского языка» (далее — НКРЯ), получают распространение в литературе только с XVIII–XIX вв. Именно в этот период в стране складывается специализация «религиозной» и «светской» субкультур, или «Religio» («вѣры», часто обвиняемой в «мракобесии») и «Ratio» («науки», часто обвиняемой в «аеизме»). Это ярко проявилось в судьбе М. В. Ломоносова и многих других

подвижников «интеллектуального благочестия» той эпохи, «верных» традициям как своего приходского храма, так и академического «храма науки». Историческую модель этого дистанцирования можно усматривать в творчестве Платона и его непосредственного окружения, в котором впервые манифестировались как термин «θεολογία», так и знаменитая «дилемма Евтифрона», утверждающая необходимость разделения «правильного» и «неправильного» в принятых практиках «благочестия», тысячелетиями передававшихся от одного поколения другому.

Рассматриваемый текст выделяет целый ряд проблем, характерных для собственно «конфессионального» издания, поскольку его автор, К. М. Антонов, является доктором философских наук, профессором и заведующим кафедрой философии и религиоведения богословского факультета, входящего в Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет» (ПСТГУ). Издание с одной стороны призвано обращаться к собственной, «религиозно-конфессиональной» («православной») целевой аудитории, интеллектуальной элите Русской Православной Церкви (Московского патриархата) и студенчеству ПСТГУ, тогда как с другой стороны оно не менее очевидно носит значительно более широкий общегражданский, философский и религиоведческий характер, включая, помимо прочего, авторские статьи, вошедшие в новейшее издание Большой российской энциклопедии.

Текст отличается интересной постановкой ряда известных тем, предлагая оригинальные аргументы, значимые для позиции «из религии», сочетая их с разными подходами и методами «извне религии», опираясь на некоторые отечественные и зарубежные теории, привлекая концепции как собственно «православных», так и «инославных» исследователей; всемирно известных светских интеллектуалов и советских авторов, которые официально представляли «атеизм», считавшийся на протяжении жизни трёх поколений нормативным в СССР. Работа

характеризуется ясным стилем изложения, хотя, что тоже очевидно, имеет понятные источники возможной «необъективности», предлагая переосмысливать сами нормы «объективности» религиоведения и некоторых других связанных дисциплин с позиций одной из влиятельных современных российских конфессий, имеющей опыт собственного 2000-летнего развития, которой, несомненно, есть что сказать в глобальной «науке о религии», институционально оформившейся в Европе с конца XIX в. На данном уровне целевая аудитория становится общегражданской, что открывает перспективы для содержательного и искренне уважительного диалога «правовѣрных» и «киновѣрных» граждан не только Российской Федерации, но и всего глобального социума.

Так «Предисловие» [Антонов, 2025: 10–16] автора открывается предположением, что «вероятно, вся история человечества может быть описана как история сложных взаимоотношений религии и рациональности», за которым следует ряд фундаментальных вопросов («что такое религия», «что такое рациональность» и множества других, неразрывно связанных с этой проблематикой, новизну рассмотрения которых представляет собой эвристическая попытка представить их как многообразие «практик рефлексии» («рефлексивных структур»), представляющих специальные темы, концепции и термины [Антонов, 2025:10].

Данный раздел сменяется впечатляющим и пространным «Prescriptum» [Антонов, 2025:19–74], содержащим статьи, где описываются такие термины, понятия и стоящие за ними феномены, как «религия», «религиоподобные явления», «религиозный комплекс», «религиозное обращение», «пути рационализации религии» и т.п.

Далее следует ЧАСТЬ ПЕРВАЯ [Антонов, 2025: 75–190], в которой обсуждаются «этосы веры, религии и опыта», «формы и ценности рациональности», «мистика», «система рефлексивных структур религиозной традиции», «философия религии», её «предметность», «история», соотношения с «теологией», «религиоведением»

и «другими философскими дисциплинами», особенностями «философия религии в России».

Её сменяет ЧАСТЬ ВТОРАЯ [Антонов, 2025: 193–294], где представлены следующие тематические разделы: «теология как научная специальность», «академичность теологии», «общественное и государственное признание», «обязательства теологии», «научность и/или профанация», «теология или/и религиоведение», «теология — это наука о церкви как некоторой фактической данности...», «структура богословия», «теология философия, религиоведение», «история теологии», «теология в России», завершаясь отделом «Postscriptum. Философские проблемы современного православного богословия и русская религиозная мысль».

Продолжает эти размышления и исследование ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ [Антонов, 2025: 297–380], где рассматриваются и проблематизируются «принцип методологического объективизма», «позиция “точки зрения” в академическом исследовании религии», а «выход из тупика» усматривается в актуализации диалогической природы религиоведческого знания, а также «межрелигиозный диалог», «миссия религиоведения в межрелигиозном диалоге», вопросы о «единстве религиоведения», и его «региональной специфике», завершаясь особым «Postscriptum. Два вопроса о современном отечественном религиоведении».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ [Антонов, 2025: 383–514] обращается к ряду тем, иногда со знаком вопроса в их наименовании, среди которых выделяются такие «вопрошания», как «религиоведение на богословском факультете: идея и проблемы», «почему религиоведение и теология не являются взаимозаменяемыми дисциплинами», иногда в сочетании с не вполне академичным вопросом «как прокормить такую ораву?» [Антонов, 2025: 394]. Фиксируются целый ряд проблем, требующих обстоятельного и детального диалога, включая такие, как «междисциплинарная война и падение престижа академического знания о религии», «функции религиоведческого и теологического знания», «зачем Церкви религиоведение», «функции религиоведческого и теологического знания», «церковная жизнь

и религиозное знание», «какое религиозное знание нужно Церкви», «нужно ли нам “бороться с сектами”», «христианская правда и научная истина», «что даёт и чего не даёт, что обещает и чего не обещает православный университет», завершаясь очерком «протоиерей Георгий Ореханов: пастырская интуиция и научный поиск», где отмечено, что для последнего «пастырская забота» была, помимо прочего, направлена на «поиск того языка, на котором Церковь сможет говорить с современными людьми, особенно с молодёжью, который даст ей возможность почувствовать их боль и найти убедительный ответ на их вопрошания» [Антонов, 2025: 514].

В завершении хотелось бы предельно кратко остановиться на двух, лично для меня привлекательных темах, затронутых в монографии: «секты» и «религия». На первый взгляд, особенно в современном массовом сознании, представленном соответствующими материалами СМИ, «секты» как «абсолютное зло», часто противопоставляются «религии» как «абсолютному добру». Вместе с тем, обращение к истории показывает, что сами христианские общины первые 300 лет своего становления в Римской империи, могли квалифицироваться властями и юристами совсем не как «religio», но только как «иудейское суеверие» («superstitio Iudaica») и т.п. девиации, или, согласно Евангелиям, как «Назореяская ересь» и соответствующие «секты» (Ναζωραίων αἱρέσεως, sectae Nazarenorum, Деян. 24:5). Обращение к упомянутому ранее НКРЯ показывает, что слово «секта» присутствует в этой базе с 1757 г. в 1306 текстах, тогда как «сектант» становится заметным только через 100 лет (с 1846 г. в 624 текстах) и ещё позднее появляется, и наиболее редкая лексема «сектантский» (290 текстов, с 1860 г.). Представляется очень важным корректно описать этот имеющийся в наличии и эксплицитно данный фактический материал, ещё только ожидающий своего детального и вдумчивого описания.

Религиоведение в таком контексте может рассматриваться как концептуальный язык, особый экспертный Lingua Franca, позволяющий переосмысливать

локальные (субкультурные, экспертные, частные) языки в предельно универсальном (философском, социально-гуманитарном и собственно конституционно-правовом) контексте. Этот особый уровень рассмотрения проблем отношения в христианстве «своего и чужого» утверждается в эпоху Реформации, когда Древняя Вселенская Церковь (Ecclesia Catholica) превращается в отдельную конфессию Ecclesia Catholica Romana, призванную после подписания Вестфальских соглашений (1648) мирно сосуществовать в одной гражданской (национальной) политике с множественностью братств («согласий», «толков», и т.п. сообществ), ранее негативно трактовавшихся как «ереси» («секты», «раскольники» и т.п.), но получивших новое собирательное наименование «исповеданий» («конфессий», «деноминаций» и т.п.), которым региональные власти могли присвоить возвышенный статус местной национальной (государственной) «religion». Последний понимался как «правовереие», т.е. «законом установленное на данной территории понимание локальными элитами “истинной вѣры”», которой противопоставлялись девиантное «невѣрие» («безбожие», «аеизм», «атеизм», «ἄθεος») и близкие к нему маргинальные «толки». Последние столетиями могли квалифицироваться как «секты отщепенцев» («гибельные ереси» и т.п.), что сопровождалось не только литературной полемикой, но и кровавыми расправами, подобными печально известной «Massacre de la Saint-Barthélemy» (1572), в русском переводе звучащему как злобещий оксюморон («Резня на Святого Варфоломея»), маркирующий санкционированные властью массовые убийства в день почитания христианского святого.

В этом же столетии появляются тексты, где становятся заметными кириллические кальки европейских региональных версий лексемы «religion», такие как «Апокрисис», оригинальное название которого было дано на латинице («ΑΠΟΚΡΙΣΙΣ, abo odpowiedź na książki o Synodzie Brzeskim imieniem ludzi starożytny religiey Greckiey, przez Christophora Philaletha w roguwczą dana», 1597), сопровождаемая при

переиздании кириллическим переводом (АПОКРИСИС, албо отповѣдь на книжки о Соборѣ Бересейском, именем людей старожитной релѣи Греческой, через Христофора Филярета врихлѣ дана, 1598), фиксируя разделение, получившее после известных работ Р. Пиккио название «Slavia Orthodoxa» и «Slavia Romana». Этим текстом «людей старожитной релѣи Греческой» приобщали к лингвистической общности, языку придворной бюрократии и литературы «*Rex Latina*», который с античности соперничал с «*Rex Graeca*», при этом каждая из сторон могла обвинять другую в «аеизме», разрабатывая собственные формы «омологий» («*Orthodoxa Confessio Fidei*», «*Konfesja Mohyły*», «Ортодокс омологія сирѣчь Православное исповѣданіе католическія и апостолскія церкви восточныя новопереведеса с еллиногреческого языка» Петра Могилы, 1696) и утверждающихся в этом контексте конфессиональных охранительных «ортодоксий», маркирующих эксклюзивность региональных «правоверий» («*Lutherische Orthodoxye*», «*Radical orthodoxy*» и т.п.).

В таких социально-политических обстоятельствах все слова, т.е. соответствующие лексемы обыденного языка и/или термины частных наук, трансформируют свои денотаты и коннотаты, которые изменяются не только с изменением возраста (дети/взрослые) или сменой политики (властных элит и партий, субкультур, идеологий и т.п.), но и в пространстве (столица/провинция, город/деревня, университет/храм и т.п.). Так, более 100 лет назад Б. М. Мелиоранский (1870–1906), известный отечественный историк церкви и «противоцерковных движений», подготовил актуальную и сегодня в ряде отношений, особенно если сравнивать тексты из трех изданий Большой советской энциклопедии, статью «сектантство» для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В ней он справедливо и корректно с современных религиозных позиций отмечал, что «в эпохи религиозной борьбы одна и та же община зовется то сектой, то церковью, или исповеданием, смотря по отношению к ней правительства», заметив, что «вышеуказанное разграничение терминов

установилось, и то не совсем прочно, лишь в новое время (после реформации), и отсюда перенесено на древнейшие эпохи», хотя тогда «слова *secta* и *αἵρεσις* употреблялись вполне как синонимы». Ранее, до формирования христианского контекста и новых соответствующих коннотаций, латинская лексема «*secta*» и её производные могли применяться для обозначения выделившихся и дистанцирующихся самобытных интеллектуальных сообществ, как философских школ («*stoicae sectae*», «*cynican sectam*» и т.п.).

Сегодня заметно утрачивает былую популярность призыв «все на борьбу с сектами», хотя при всём его скандальном содержании и очевидном противоречии Конституции, он порой продолжает воспроизводиться в ряде публицистических изданий, транслируя идеологемы, утвердившиеся при Николае I в Российской империи второй трети XIX в., и затем реставрированные в СССР середины XX в., когда романтика организации «сектантских колхозов» сменилась на жёсткую риторику непримиримой борьбы с «мракобесием воинствующих отщепенцев», которая сопровождалась выходом на экраны страны нескольких художественных фильмов специально «антисектантского» содержания. В этой связи не только рациональным, но и действительно корректным с позиций существующего конституционно-правового нормативного контекста и современного религиоведения представляется замечание автора рецензируемой монографии, что «основной причиной неэффективности концепта “борьбы с сектами” я считаю его мифологическую природу» [Антонов, 2025: 445].

Вместе с тем, с религиоведческих позиций можно отметить, что сам феномен «сектантства» демонстрирует универсальный антропологический факт того, что человеческие индивиды и их сообщества в обозримом историческом горизонте всегда, стремились обрести то, что ещё Плавт (Titus Maccius Plautus, ок. 254 – 184 гг. до н. э.) назвал «*Rex Deorum*», т.е. «мир и согласие с божественными началами бытия», представив образ божества, воздающего за все нарушения справедливости, которые чреватые предельно

опасными и губительными вторжениями «зловещего/запретного» в повседневную жизнь каждого члена общества и страны в целом (первые в истории примеры лексем *religiōsus* и т.п.). Это особенно наглядно проявилось в предельно драматичный для Вечного города период *Bella Punica* (264–146 гг. до н.э.) или, спустя почти семь поколений, в эпоху Цицерона (*Marcus Tullius Cicero*, 106–43 гг. до н. э.), жившего в очередной трудный период для политики *Res publica Populi Romani*. Тогда великий римский оратор, получивший почётный титул «*Pater Patriae*», но закончивший жизнь как «*hostis populi Romani*», сформулирует своё первое в истории определение этого феномена, где утверждал, что собственно «*religio*» есть (в переводе В. К. Шохина) то, «что позволяет людям служить и поклоняться высшему порядку природы, который называется божественным».

Феномен «религии», как хорошо известно, Цицерон предложил отделять от феномена «суеверие» («*superstitio*»), т.е. почитания различных форм присутствия «зловещего», унижительного для каждого просвещенного римлянина. Для таких сограждан, их «*Ratio*» призывает не бояться «страшного», перенося с достоинством и мужеством любые столкновения с ним, концептуально восходя к греческой лексеме «*δεισιδαιμονία*». Денотатом последнего выступает неизвестное, вторгающееся в наблюдаемую повседневную реальность, при этом коннотации постепенно дифференцировались от острых переживаний личного столкновения с данными проявлениями бытия к отстранённому описанию таких историй как «мнения невежд», сопровождаемому насмешками над их наивной, излишней и бесполезной «скрупулезностью». Такую интеллектуальную традицию за 300 лет до самого известного римского оратора предложил ученик Аристотеля Теофраст (Феофраст, *Θεόφραστος Ἐρέσιος*, ок. 370 – ок. 285 гг. до н. э), который, зная о «дилемме Евтифрона» и серьёзной проблематичности понимания истинного благочестия, в трактате «*Ἠθικαὶ χαρακτήρες*» (ок. 319 г. до н.э.) выдел три десятка таких распространённых типовых психологиче-

ских форм, среди которых иронично описал и «суеверный» («*δεισιδαιμονία*», № XVI). Последний в русских переводах мог истолковываться различно — как «вера в демонские силы», «страх перед божественной силой» и «попытка защитить себя, оградить от чего-то огромного, более сильного» или квалифицируясь как проявление «человека малодушного».

Существование унижительно-страшных, распространённых в народных («профанных») кругах и возвышенно-философских коннотаций, достойных элит римских сограждан, переходит от *Pax Romana* к новой культуре *Pax Christiana*, которая среди славянских племён в свою очередь разделяется на *Slavia Graeca* и *Slavia Latina*, где возвышенный универсализм правоверной «*Orthodoxa*» придворных кругов Нового Рима начинает противопоставляться ересям и схизмам многочисленных «отщепенцев». Латинская лексема «*religio*» стала с этого времени коннотировать, с одной стороны, с «христианской» идентичностью, противопоставленной язычникам, иудеям и еретикам, которая затем, после реформ Феодосия и Юстиниана, приобретает коннотацию с эксплицитным византийским подданством, противопоставляясь другим этносам и политиям, особенно в периоды войн. С другой стороны, складывается устойчивая коннотация отмеченного слова именно с монашеством (людьми «не от мира сего», «*μοναχος*», «*religiones*»), теми, кто полностью посвятил себя *Ecclesia Catholica* как, к примеру, *Religio Augustini*, орден августинцев-еремитов (*Ordo Fratrum Eremitarum S. Augustini*, OESA, 1256). очередной радикальный семантический поворот происходит в контексте уже упоминавшейся эпохи Реформации.

Вся история человеческого сообщества в таком контексте представляется поиском таких, если использовать выражение Н. Лумана, форм «надзирания за неизвестным», т.е. религию (религии) во всём многообразии исторических, географических, гендерных и возрастных проявлений. Спасибо автору за это интересное издание, пробуждающее стремление к серьёзному, актуальному, профессиональному и подлинному «диалогу о главном».

Список литературы:

Антонов К. М. Religio et Ratio: Религиозная жизнь и пути ее рефлексивного осмысления. — Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2025. — 544 с.

References:

Antonov, K. M. (2025) Religio et Ratio: religioznaya zhizn' i put' yeye reflektivnogo osmysleniya [Religion et Ratio: Religious Life and the Ways of Its Reflexive Comprehension]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Евгений Игоревич Аринин — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Information about the author

Evgeny I. Arinin — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Institute of Humanities, Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, Russia, 600000 (Russia)